

ЕВГЕНИЯ ТУР

*Жемчужное
ожерелье*

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т86

Тур Е.

Т86 Жемчужное ожерелье / Е. Тур. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 190 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77639-9

«Жемчужное ожерелье» — сказка для детей Евгении Тур. Герой сказки алхимик Соломон возгордился перед Богом, и Господь наказал его: любимая дочь старика Лия заболела таинственной неизлечимой болезнью. Многие годы бродит Соломон по дальним странам и собирает жемчужины для ожерелья, которое может излечить любимую дочь. Только жемчужины не простые...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77639-9

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ЖЕМЧУЖНОЕ
ОЖЕРЕЛЪЕ
Сказка

Предисловие

У меня был приятель. Он был женат и жил с женою и маленьким сыном на даче. Нельзя себе вообразить ничего милее этого семейства и этой дачи. Приятель мой был медик, но, имея состояние, лечил только бедных. Жена его была добрая и милая женщина и во всем помогала ему, делила его труды и заботы. Оба они любили без памяти своего маленького сына, хорошенького, белокурого, голубоглазого мальчика лет четырех. Когда вечером отец возвращался домой, жена, ведя за руку своего хорошенького сына, встречала его у ворот сада, и они втроем возвращались домой. Напившись чаю, садились они под высокую, густую, развесистую липу. Отец брал на колени своего сына и часто рассказывал ему сказки и различные истории. Мальчик страстно любил их слушать, любила их слушать и я; многие из них так мне понравились, что я просила позволение пересказать их вам, милые мои дети. На этот раз передаю вам только одну из них; если она вам понравится, я расскажу вам впоследствии еще больше. Я надеюсь, вы поймете смысл, заключенный и в тех из них, которые покажутся вам чудесными. Во всякой сказке, хотя и волшебной, сокрыта мысль; поймите ее. Я желаю, чтобы мои рассказы позабавили вас, заняли вас, но вместе с тем и научили бы хорошему, заставили бы вас понять, что без любви к людям, без жалости в сердце, без участие к ближним нет на свете ни душевного мира, ни спокойствие совести, ни благополучия.

Версаль.
15 мая 1867 г.

Давно, очень давно тому, жил в Гренаде старый умный еврей, которого в городе все знали и все боялись. Боялись его не потому, чтобы он делал кому-либо зло или неприятности, а потому что он ни с кем дружбы не водил, хлеба-соли не делил и жил отшельником, не принимая никакого участие в беде соседа и знакомых. Домик его стоял в отдаленной улице, окнами с одной стороны в сад, а с другой стороны во двор. Часто, далеко за полночь из окон виднелся огонек и два окна комнаты еврея были постоянно освещены. Иногда это освещение принимало какой-то страшный вид. Вместо обыкновенного беловатого света свечей вспыхивал в окнах красный отблеск пламени или голубоватый отлив, какого-то странного огня; иногда видно было, что внутри пылает полымя, то разгорается, то потухает; подумаешь пожар — а между тем пожара нет. На другой день всякий может видеть, что стоит себе домик в саду, как стоял накануне тих и пустынен.

Да и кому в нем двигаться, входить, выходить? живет в нем старый еврей, с красавицей дочкой и ее старой престарой нянькой. Красавица дочка никогда за ворота не выходит, ни с кем не знакома и гуляет в своем тенистом саду. Иногда видал ее садовник, приходивший работать в саду и поливать редкие цветы, до которых страстная охотница дочка еврея. По словам садовника, трудно было встретить такую красави-

цу. Чернобровая, высокая, стройная, с пунцовыми губками, на нее нельзя было не заглядеться. Две черных густых косы спускались с плеч ее вдоль стройного стана. Она была весела и добра. Отец любил ее без памяти. У него только и было на свете что дочка; никого другого любить он не мог и даже не желал. Жена еврея давно умерла и он всю душу свою, после ее смерти, отдал дочери. Старый еврей целое утро сидел в своей комнате, куда никто ни под каким предлогом входить не смел, ни даже сама его дочь. Пообедав с нею, он около часа слушал ее детскую болтовню, никогда не журил дочери и ни в чем ее не стеснял. Лия (ее звали Лией, а его звали Соломоном) рассказывала своему отцу без смущения и без робости свои радости, печали, заботы и всякие мысли, входившие в ее горячую головку. Серьезный, угрюмый, важный и для всех неприступный Соломон улыбался рассказам Лии и гладил ее по головке даже и тогда, когда она ему рассказывала свои шалости. После обеда Соломон запирался опять в свою комнату, и выходил в сад навстречу Лии только за час до захода солнца. Лишь только солнце скрывалось за горы и золотило их своими последними лучами, Соломон благословлял дочь, уходил в свою комнату, запирался на ключ и оставался там до белого утра. Что он там делал? спросите вы у меня, мои милые. Это спрашиваете не вы одни. Все в Гренаде большие и малые, умные и глупые, ученые и неученые задавали себе и друг другу вопрос этот. Часто запоздавший пешеход, проходя мимо домика Соломона, вдруг пугался, видя через решетку, обгораживавшую двор Соломона, столбы света, то красного, то синего, зловеще освещавшие и двор, и улицу и внезапно меркнувшие. Прохожий крестился поспешно и скорехонько убирался домой, бормоча про себя: «С нами крестная сила!» Вы не удивитесь после этого, если я скажу вам, что в Гренаде начали поговаривать сперва тихонько, а потом гласно, а потом и взапуски, что Соломон колдун и что пора бы властям взяться за него и разузнать чем это он занимается по ночам, запершись в своей комнате. Но пока в горо-

де все говорили и осуждали Соломона, он жил себе по прежнему, ничего не зная о городских слухах. Да оно и лучше. Не надо делать ничего дурного, ничего противного божеским законам и правилам чести, ну, а пустых людских пересудов не переслушаешь. Знаете басню: мужик и осел; а если не знаете, так прочтите: из нее вы поймете, если у вас есть хотя немного смекалки, в чем дело. Но возвратимся к Соломону. Соломон не знал за собою худых дел, жил спокойно, но не заботился ни о ком кроме дочери, и не смотря на свое богатство, никому не делал добра, никому не помогал. Он позабыл, что мало не делать дурного, а надо стараться делать хорошее, то есть, доброе. Но не о том думал Соломон. Он думал только о своей дочери, о своей любви к ней и о том, что он ей оставит большое богатство. После дочери милее всего была ему та комната, в которой запирался долгие часы дня и ночи. Не хотите ли узнать, что было в этой комнате Соломона? Ведь я взялась вам рассказывать, так мне нельзя отделаться словами, что я де не знаю. Перед рассказчиком замки дверей отворяются, стены распадаются, он входит всюду и видит все, чтобы потом передать историю своим маленьким внучатам. и их друзьям. Комната Соломона была большая, четырехугольная, с двумя большими окнами; посередине комнаты стоял огромный стол, а на столе жаровни, банки, вазы, горшки стеклянные, глиняные, оловянные, медные, всех возможных форм и всякой величины. Около них в беспорядке лежали ножницы прямые и кривые, ланцеты, щипцы, клещи, ножи, ложки огромные и крошечные, короткие и длинные. По стенам стояли шкапы со склянками, бутылками и бутылками, с огромными пучками сухих трав и связками сухого дерева. В других шкапах стояли книги, да такие большие, такие тяжелые, переплетенные в сафьян или в толстую кожу, так что их поднять-то можно было лишь с трудом. Иные из них были покрыты слоем пыли, будто лет 20 их никто и в руки не брал, другие лежали на столах и стульях полуоткрытые, как будто их сейчас кто-либо читал и не успел закрыть. Даже на полу в углах лежали

грудами одна на другой множество книг, и торчали из-за бутыли, банки и жаровни. У большого стола стояло большое кресло. Около небольших столиков в углу стояли маленькие стульчики, которые легко было переносить с одного места на другое. Комната Соломона не отличалась ни порядком, ни чистотою — ему было не до чистоты. Он с утра до обеда, и с обеда до ужина и с ужина до раннего утра сидел над книгами, корпел над жаровнями и кружками. Соломон, вы верно сами догадались, был ученый химик; вы знаете, что колдунов нет, и что все это рассказы старых неученых людей. Они, чего не знают или понять не могут, сейчас и вопят: колдун да колдун. Нет колдунов и никогда их не бывало спокон века, а есть знахари, и в старые годы бывало их еще больше чем теперь. А знахари, это люди, которым известны свойства трав и всякие целебные и вредные зелья. Теперь знахарей меньше, а докторов больше. Доктора и есть настоящие знахари, ибо посредством науки дошли до того, что знают как, что и от чего давать больному. Соломон был знахарь и кроме того химик. Он знал как варились, прокаливались и сушились в разных склянках и баночках разнообразнейшие химические составы, то у него получалось из черных землистых масс — серебро чистое, белое, блестящее; то, по-видимому, из тех же масс, только серых цветом, получались различного цвета прозрачные камни; то в этих котлах, стоящих спокойно, не на огне, выделялись красивые разнообразные хрустали. Он знал секрет готовить гремучее золото, которого маленький шарик был достаточен, чтобы взорвать громадную башню. Да и мало ли что он знал еще; всего не перескажешь. Довольно того, что в те старые, темные времена, он знал то, чего тогда почти никто не знал; поэтому-то его и считали колдуном. Беда не в этом, а в том, что зная так много, Соломон не заботился ни о ком и не помогал никому. Увидит ли он больного, ему и в голову не придет полечить его; увидит ли бедного, он и не подумает дать ему денег; свое знание и свои деньги он держал про себя, не делясь ими ни с кем.

Однажды перед вечером сидел Соломон в своей лаборатории и, протянув проволоки, прилаживал к ним какие-то банки, потом приставил к ним большую машину, натер каким-то составом пластинку около большого стеклянного колеса и долго читал и долго думал. Уж смеркалось. Наконец он встал, выпрямился, взялся за большое стеклянное колесо машины, и повернул его, и потом еще и еще... и вдруг... Соломон сам испугался и отскочил в сторону... по проволоке полетела синяя искра и другая, и третья. Он перестал вертеть колесо, оно остановилось. Перестали летать искры. Соломон притронулся к проволоке и вздрогнул. Он почувствовал во всем теле сотрясение. Долго он стоял задумавшись. Потом подошел, повернул опять стеклянное колесо и опять запрыгали искры. Опять дотронулся он до проволоки и опять вздрогнул еще сильнее. Он отступил назад и закричал вне себя: «Вот оно! вот, что я искал так долго! Эта сила — сила великая и она произведет великий переворот во всем мире. О ней говорят древние книги. Ее знали египетские жрецы и римские первосвященники. Да, я великий маг и чародей! Я проник в таинства великой матери нашей природы. Для меня нет у нее тайн. Я все знаю, а чего еще не знаю, то узнаю очень скоро. Бог создал видимый и невидимый мир и я открою его законы. Я проникну все и своим всемогущим умом покорю себе все силы сильные, все силы, до сих пор неведомые». Наконец — ослепленный до безумия гордостью своего знания, Соломон вскричал: «Я равен самому Богу. Он создал, а я понял, я открыл. Да, я равен Богу!»

Едва произнес Соломон эти преступные слова, как раздался громкий стук в его двери; стучали порывисто, с испуганием. Соломон находился в таком состоянии, что сначала не заметил стука, а потом опомнился, вслушался и в припадке гнева позабыл свою старость и словно юноша побежал к двери.

— Кто смеет беспокоить меня, смущать меня? — закричал он гневно.

